

Россия

Сергей Яров

от лауреата
Анциферовской
премии
2012 года

книга для всех
интересующихся
отечественной
историей

Сергей Яров

**Россия в 1917-2000 гг. Книга
для всех, интересующихся
отечественной историей**

«Центрполиграф»

2014

Яров С. В.

Россия в 1917-2000 гг. Книга для всех, интересующихся отечественной историей / С. В. Яров — «Центрполиграф», 2014

В пособии рассмотрены основные события жизни российского общества в советское время и в постперестроечные годы. Содержание и структура пособия облегчают быстрое усвоение материала. При составлении пособия использованы новейшие достижения историографии, оно содержит богатый статистический материал. Освещается ряд сюжетов (уровень жизни, социальные и демографические характеристики, положение армии), редко рассматриваемых в учебной литературе. Книга предназначена для школьников, студентов и всех интересующихся отечественной историей. Автор – доктор исторических наук, профессор РГПУ им. А.И. Герцена и Европейского Университета в Санкт-Петербурге.

Содержание

Часть I	6
Политика	6
1. Внутренняя политика	6
1.1. Причины Февральской революции	6
1.2. Начало революции	7
1.3. «Апрельские тезисы» Ленина	9
1.4. Социально-политическая программа Временного правительства	10
1.5. Политические кризисы. Весна-лето 1917 г.	11
1.6. «Дело Корнилова»	12
1.7. Подготовка большевистского восстания	14
2. Дипломатия	15
2.1. Изменение формулы войны	15
2.2. Апрельский кризис	16
2.3. Отношения с союзниками	17
2.4. Российская дипломатия летом-осенью 1917 г.	17
Экономика	19
1. Экономические системы	19
1.1. Экономическая программа Временного правительства	19
1.2. Рабочий вопрос	19
1.3. Крестьянский вопрос	20
1.4. Продовольственный вопрос	21
2. Экономическое развитие	22
2.1. Промышленность	22
2.2. Сельское хозяйство	22
2.3. Транспорт	23
Общество	24
1. Демографические и социальные характеристики	24
2. Уровень жизни	24
Власть	26
1. Высшие органы власти	26
2. Местные органы власти	27
3. Национальная политика	27
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Сергей Яров

Россия в 1917–2000 гг. Книга для всех, интересующихся отечественной историей

Охраняется законодательством РФ о защите интеллектуальных прав. Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

Научный редактор доктор исторических наук, заведующий кафедрой русской истории РГПУ им. А.И. Герцена, профессор А.Б. Николаев

Рецензенты: доктор исторических наук, профессор СПбГУ С.Л. Фирсов; доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник СПб ИИ РАН В.И. Мусаев

Рекомендовано к публикации кафедрой русской истории факультета социальных наук Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена

Часть I

Февральская революция (февраль-октябрь 1917)

Политика

1. Внутренняя политика

1.1. Причины Февральской революции

Обычно принято отделять в исторических событиях внешние поводы от внутренних причин, но само историческое действие представляет собой сложный сплав, в котором трудно вычленить случайное и закономерное. В Февральской революции нередко первостепенную роль играли, казалось бы, незначительные обстоятельства, но именно чередование и последовательность ее этапов отчетливо обнаруживает логику разложения, присущую любому «старому порядку».

Важнейшей причиной февральского переворота 1917 г. стало глубокое падение престижа государственной власти. Недостатки бюрократического управления страной необычайно обнажились в условиях войны. Патриотическая эйфория 1914 г. быстро прошла. К тяжелой, упорной и преимущественно неудачной для России позиционной борьбе последующих лет русское общество не было готово ни политически, ни экономически, ни психологически. Хозяйство постепенно приходило в упадок, инфляция росла, продукты все труднее было доставать. Нехватка боеприпасов и продовольствия на фронте, слабость военного командования и узость его оперативного мышления усилили государственный хаос.

Все это, возможно, и не привело бы к революции, если бы не существовало глубокого непримиримого раскола между властью и общественностью. Конфликт между ними усугублялся с обеих сторон: со стороны властей, видевших даже в умеренных общественных инициативах посягательство на трон, и со стороны общественности, родившейся и окрепнувшей в условиях оппозиции к власти, остро чувствующей ее предубежденность и зачастую приумножавшей значимость ее действительных или мнимых промахов.

«Единение» 1914 г. лишь на время ослабило политическую борьбу, но уже к 1915 г. все начало возвращаться «на круги своя». Присутствие у трона лиц, явно некомпетентных, нередко использовавших войну для собственного обогащения, близость Г.Е. Распутина, стяжавшего громкую и скандальную славу своими похождениями к Николаю II, слухи о том, что Распутину принадлежит решающее слово при назначении министров, – все это пятнало репутацию монарха.

Оппозиционные настроения, особенно после отступления 1915 г., стали усиливаться во всех слоях общества: и в верхах, и в низах. Разговоры о создании правительства из числа «честных патриотов», облеченных доверием народа, ни к чему не привели. Во многом это случилось из-за противодействия ближайшего окружения императора, воспринимавшего уступки общественному мнению как угрозу самому принципу единодержавия. Сказалась здесь и нерешительность, и недостаточно гибкая тактика самих общественных деятелей, не желавших идти на широкие компромиссы с властью.

Политический и социальный кризис в стране стал уже очевиден на рубеже 1916–1917 гг. Общественная критика, едва заметная летом 1914 г., усилилась после военных неудач 1915 г. Разговоры о «темных силах», о «глупости» и «предательстве» открыто зазвучали в Государственной думе и чуть приглушенно – в печати. Репрессии полиции против рабочих организаций в конце января 1917 г. усилили недовольство на фабриках и заводах Петрограда. Намечавшаяся на 14 февраля демонстрация в поддержку Думы не состоялась, но слухи о ней обострили обстановку в городе. К середине февраля бастовало уже несколько десятков тысяч рабочих. Брожение и смута постепенно охватывали столицу. Власть здесь уже не имела никакой прочной опоры, помимо войск и полиции. Последней каплей, переполнившей чашу терпения, явилось сокращение хлебных выдач – в значительной мере из-за нерасторопности чиновников.

1.2. Начало революции

Победа восстания в столице

Стачки, возникшие на предприятиях Петрограда в первой половине февраля 1917 г., в конечном счете вылились на улицы – сначала стихийными митингами у ворот бастующих заводов, затем спонтанным и неуправляемым движением толп от фабричных застав к центру города. Началом революции считают стихийную антиправительственную демонстрацию в Петрограде 23 февраля (8 марта по новому стилю) 1917 г., приуроченную ко Дню рабочих. Кое-где произошли столкновения, но полиция к середине дня уже разогнала митингующих. 24 февраля стачки не только не прекратились; но усилиями манифестантов, проникших в еще работавшие цеха, разрослись. Манифестации расширяли число бастующих заводов, бастующие увеличивали ряды манифестантов. 23 февраля бастовало 128 тыс., 24 февраля – 214 тыс., 25 февраля – 304 тыс. человек. Нелегальная оппозиция (в первую очередь эсеры и социал-демократы), быстро оживившись, уже в первые дни волнений придала начавшемуся движению политический смысл и организованность.

Победа восстания во многом зависела от того, чью сторону примут войска. Шествия 23 февраля еще пресекались силами полиции, но 24 февраля петроградский градоначальник А.П. Балк был вынужден обратиться за помощью к армии. Войска вывели на улицы, но они поначалу воздерживались от стрельбы, ограничиваясь лишь демонстрацией силы. Применять оружие правительство пока опасалось, боясь разложения войск и нежелательных откликов в стране и за рубежом. Это вскоре заметили манифестанты. Они, нападая на полицейских, старались обходить и не трогать военных. Разумеется, так было не везде, и в ответ на выстрелы из толпы или ее заметное агрессивное поведение солдаты отвечали ударом. 26 февраля приказ о применении оружия войскам был все же отдан, и демонстранты рассеивались уже выстрелами. Эта мера, призванная утратить, имела для властей роковые последствия: она привела к брожению среди войск. Первым его признаком был отказ одной из рот Павловского запасного полка подчиниться приказу. Это произошло 26 февраля. Бунт быстро подавили, зачинщиков его немедленно выдали, но часть солдат сбежала из казарм, обстреляв при этом полицейский наряд. 27 февраля примеру павловцев последовала учебная команда запасного батальона Волынского полка. На утреннем смотре его солдаты убили нескольких офицеров. Выйдя тотчас с оружием на улицу они увлекли за собой и другие воинские команды: уже к утру этого дня число восставших солдат достигло нескольких десятков тысяч. Попытки усмирить их «надежными» военными отрядами успеха не имели. Многие из войсковых частей либо отказывались выходить из казарм, либо открыто присоединялись к восставшим. Вместе с толпами демонстрантов, запрудивших 27 февраля, как и в предыдущие три дня, улицы столицы, солдаты начали нападать на тюрьмы и государственные учреждения. К 28 февраля власть правительства в Петрограде была

фактически уничтожена, а само правительство перестало существовать. Многие министры и сановники подверглись аресту и заключению в Петропавловскую крепость.

Отречение царя

Император Николай II, уехавший 22 февраля из Царского Села в Ставку, сначала не придавал значения сообщениям о волнениях в Петрограде. Однако после ряда новых известий о событиях в городе он одобрил приостановку заседаний Думы 26 февраля и предписал командующему Петроградским военным округом генералу С.С. Хабалову «завтра же прекратить в столице беспорядки». Поскольку Хабалов уже не мог контролировать Петроград, на помощь ему царь направил генерала Н.И. Иванова, придав ему ряд надежных полков. Замышлялась не совсем обычная карательная экспедиция. Посылая Иванова, царь согласился на важнейшую уступку: создание «министерства общественного доверия». Иванов, назначенный командующим Петроградским военным округом, и сам точно не знал, чего от него хотят, – то ли подавлять бунт (а на эту роль нерешительный, осторожный и далекий от политики генерал явно не претендовал), то ли продемонстрировать силу, чтобы сделанные царем уступки не пришлось расширять. Генералу предстояло действовать в зависимости от обстановки, которая менялась после 27 февраля едва ли не с каждым часом. До Петрограда Иванов так и не доехал: железные дороги перешли в руки восставших, а генерал, ощущавший себя скорее миротворцем, чем карателем, не желал брать приступом столицу, что ему явно было не по силам.

Провал экспедиции Иванова еще не означал, что царь утратил рычаги власти: он мог попытаться снять войска с фронта. Но 2 марта Николай II получил телеграммы от командующих фронтами: все они советовали отречься. Понимая бессцельность дальнейшей борьбы, император подписал 2 марта в Пскове манифест об отречении от престола от имени своего и сына, наследника цесаревича Алексея. Трон передавался брату царя, великому князю Михаилу Александровичу, которому предлагалось «править делами государственными в полном ненарушимом единении с представителями народа в законодательных учреждениях на тех началах, кои будут ими установлены». Своими последними указами император назначил великого князя Николая Николаевича Верховным главнокомандующим и князя Г.Е. Львова – Председателем Совета министров.

3 марта 1917 г., после совещания с думскими деятелями, Михаил Александрович фактически отказался от престола. Подписанный им манифест гласил: «Принял я твердое решение в том лишь случае воспринять верховную власть, если такова будет воля великого народа нашего, которому и надлежит всенародным голосованием через представителей своих в Учредительном собрании установить образ правления и новые основные законы государства Российского».

Два двоевластия: конец февраля – начало марта 1917 г.

Революция обусловила создание и смену двух двоевластных политических систем: первой, царского правительства и Временного комитета Государственной думы (27 февраля – 2 марта), и второй, Временного правительства и Петроградского совета – со 2 марта 1917 г. Дума, чьи заседания были приостановлены в конце февраля (вплоть до апреля 1917 г.), подчинилась указу. Но протесты думцев против роспуска нижней палаты, равно как и нараставшие анархия и паралич власти в столице, привели к формированию 27 февраля 1917 г. Временного комитета Государственной думы во главе с М.В. Родзянко. В этот же день усилиями социалистов был образован Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов под председательством Н.С. Чхеидзе. Представители обоих органов, пока еще союзники, встретились в ночь на 2 марта для решения вопроса о власти. Обе стороны договорились, что создаваемое Временное правительство объявит всеобщую амнистию, провозгласит политические сво-

боды и снимет все сословные и иные ограничения. Исполнительный комитет Совета отказался послать своих представителей в правительство. Вместе с тем один из руководителей Совета А.Ф. Керенский, обратившись прямо к мнению самого Совета и получив его согласие, занял в правительстве пост министра юстиции. Временное правительство, начавшее работать 2 марта 1917 г., возглавил умеренный либерал, один из лидеров земского движения князь Г.Е. Львов.

Конфликты между правительством и Советами обнаружились уже в первые месяцы революции, но поначалу споры еще не достигали той степени ожесточенности, апогей которой приходится на осень 1917 г. Роли между правительством и Центральным исполнительным комитетом (ЦИК) Советов распределялись следующим образом. Временное правительство принимало важнейшие государственные акты и непосредственно руководило страной, а ЦИК, большинство в котором до октября 1917 г. составляли умеренные социалисты (меньшевики и эсеры), лишь контролировал деятельность правительства и иногда подправлял ее. Принятые правительственными учреждениями решения он стремился сделать более революционными, хотя и не столь радикально, как этого хотели большевики. Но в целом Совет поддерживал, правда, с оговорками, курс князя Львова.

1.3. «Апрельские тезисы» Ленина

Такая позиция подверглась резкой критике со стороны В.И. Ленина, вернувшегося в Россию из эмиграции в начале апреля 1917 г. На следующий день после приезда в Петроград, 4 апреля 1917 г., он выступил на нескольких партийных собраниях с тезисами «О задачах пролетариата в данной революции», впоследствии названных «Апрельскими». Ленин отверг мнение о том, что после свержения монархии война стала «революционной» и «оборонительной». Он по-прежнему считал ее «грабительской» и «империалистической». О революционной войне он допускал говорить лишь в том случае, если власть перейдет в руки пролетариата и беднейших слоев крестьянства, при отказе от аннексий и «при полном разрыве со всеми интересами капитала».

«Никакой поддержки Временному правительству» – эта ленинская строка стала осью «Апрельских тезисов». «Львов и компания», по выражению Ленина, достойны были только разоблачения и изгнания; правда, делать это он рекомендовал терпеливо и очень удивился, когда Г.В. Плеханов счел его тезис за проповедь Гражданской войны. Мысль о давлении на правительство с целью изменить его курс Ленин называл иллюзорной и недопустимой; этот выпад направлялся против тактики как Совета, так и отдельных большевистских вождей, слишком поддавшихся эйфории «единения».

Будущее устройство страны виделось Ленину следующим образом: «не парламентарная республика – возвращение к ней от СРД (Совета рабочих депутатов) было бы началом назад – а республика Советов рабочих, батрацких и крестьянских депутатов по всей стране, снизу доверху». В собственно экономической части тезисов Ленин потребовал национализации всех земель в стране, слияния всех банков в один с установлением «советской» опеки над ним и рабочего контроля за производством и распределением продуктов.

«Апрельские тезисы», несмотря на приданную им четкую структуру, были документом противоречивым. Здесь слишком много недоговоренностей, неясностей, «революционных» общих фраз; очевиден и налет утопизма. Так, армию Ленин предлагал заменить неким «всеобщим вооружением народа». Эта идея, рожденная в свое время кабинетными раздумьями Маркса, оказалась на практике такой же нереальной, как и предложенное «тезисами» другое новшество – устранение полиции и чиновничества. Все это впоследствии воскресло в ленинском государстве, хотя и под другими названиями. Как бы то ни было, «Апрельские тезисы» стали основой действий большевистской партии вплоть до октября 1917 г. Кое в чем крайности ленинской позиции были смягчены, но VII (апрельская) конференция РСДРП(б) в своих

решениях в основном подтвердила точку зрения Ленина, тем самым признав ее обязательность для всех членов партии.

1.4. Социально-политическая программа Временного правительства

Программа нового правительства была изложена в его Декларации, принятой 3 марта 1917 г. Она включала в себя следующие обязательства: 1) полная амнистия для всех политических заключенных. Особо подчеркивалось, что амнистия применяется к участникам военных восстаний, террористических покушений и «аграрных преступлений», т. е. к тем, кто осужден за захват земли или другой чужой собственности; 2) свобода слова, печати, союзов и стачек; 3) снятие всех сословных, вероисповедных и национальных ограничений; 4) подготовка к созыву Учредительного собрания на принципах всеобщего, равного, тайного и прямого голосования; 5) роспуск полиции и замена ее «народной милицией», руководители которой не назначались, а избирались и были ответственны перед местными органами власти; 6) избрание органов местного самоуправления всеобщим, прямым, равным и тайным голосованием.

Примечательно то особое внимание, которое уделялось Декларацией правам военнослужащих. О них было упомянуто трижды. Так, 2-й пункт этого документа распространял на солдат все политические права с малозначащей тогда оговоркой «в пределах, допускаемых военными техническими условиями». В 8-м пункте Декларации предлагалось, с оговоркой о «сохранении дисциплины», устранить для солдат все ограничения «в пользовании общественными правами, предоставленными всем остальным гражданам». И наконец, в 7-м пункте обещалось не разоружать и не выводить из Петрограда воинские части, принимавшие участие в восстании.

Вопреки широко распространенному мнению о медлительности Временного правительства, его социально-политическая программа была исполнена с ошеломляющей быстротой. Этому способствовала и захлестнувшая страну волна левого радикализма: Временное правительство не только само стремилось скорее ликвидировать все политические приметы прошлой эпохи, но и постоянно подталкивалось к этому как социалистическими партиями, так и стихийными выступлениями низов.

Первыми, кто вкусил от плодов свободы, были, прежде всего, солдаты. Толчок к «революционизированию» армии был дан знаменитым приказом № 1 Петроградского Совета от 1 марта 1917 г. Им предусматривалось избрание солдатских комитетов во всех воинских частях и распространение на солдат всех политических прав. Временное правительство признало этот документ.

В начале весны были выпущены из тюрем и вернулись из ссылки тысячи осужденных по политическим делам. 10 марта распущен Департамент полиции, 19 марта – Отдельный корпус жандармов. 2 марта принят закон об отмене смертной казни. В марте началась и реформа мирового суда. Если раньше мировой судья единолично решал дела, то теперь этим занимался мировой суд в составе судьи и двух заседателей, представлявших соответственно армию и рабочих. 17 апреля правительство одобрило «Временное положение о создании милиции при местных органах власти». Весной 1917 г. в деревне был уничтожен институт земских начальников, проведены выборы (прямым и равным голосованием) новых органов сельского и городского самоуправления. Осенью 1917 г. был подготовлен закон о выборах в Учредительное собрание и назначены их сроки. Отменялась любая цензура (кроме военной), запретам подверглась лишь деятельность ряда крайне правых и монархических организаций и изданий.

Куда большие трудности Временное правительство встретило при достижении обозначенных им внешнеполитических и экономических целей. Оно осудило войну ради захватов чужих территорий и выступило за «полный мир на основе самоопределения народов» – но никаких реальных действий по прекращению войны не предприняло. Собственно, само это

реальное действие могло быть только одно – сепаратный мир. Иного способа окончить войну притом, что союзники враждебно встречали даже самые разговоры о мире, не было. Сепаратный договор Временное правительство одобрить не могло: при всей сомнительности благополучного исхода такой сделки Россию неминуемо ждали унижение и дипломатическая изоляция. О сепаратном мире в то время не говорили даже большевики, его отвергали и низы.

Экономические реформы также застопорились. Если в промышленности быстрыми уступками рабочим (введением 8-часового рабочего дня, повышением зарплаты, фактическим разрешением рабочего контроля) удалось вплоть до осени 1917 г. сохранять хрупкий «классовый мир», то в деревне дело обстояло иначе. Уже во время весенних полевых работ начались захваты помещичьих земель. Они усилились к августу, ко времени сбора урожая.

Аграрную реформу невозможно было провести за несколько недель до начала весеннего сева. Характерно, что и большевики впоследствии начали аграрный переворот не выпуском пропагандистского воззвания, а узаконением сводки 242 крестьянских наказов – документа, составлявшегося долго, осмотрительно и кропотливо. Обстоятельно разработать за 2–3 недели принципы аграрной реформы (и так, чтобы крестьяне сочли ее справедливой), а потом проводить ее во время полевых работ, когда посеявший не будет знать, на каком поле ему предстоит снимать урожай, – все это очевидно противоречило здравому смыслу. Но это была одна «правда», а наряду с ней жила «правда» другая. Она состояла в том, что уже никто не хотел ждать – ни страдавшие от бескормицы крестьяне, ни уставшие жить в окопах солдаты. Голод и смерть являлись более сильными аргументами, чем здравый смысл и достоинство окончания войны. И, устраивая «по-европейски» внешнеполитические и экономические дела России, либеральные и демократические политики неизбежно вели ее на стезю большевизма.

1.5. Политические кризисы. Весна-лето 1917 г.

Нерешенность внешнеполитических и экономических задач подспудно определяла и многочисленные правительственные кризисы, ставшие характерной приметой послефевральской эпохи. Первый из них (так называемый «апрельский кризис») был связан с отправкой 18 апреля 1917 г. ноты министра иностранных дел П.Н. Милюкова союзным державам. В этой ноте многие заподозрили возвращение к «империалистическим целям» войны.

Началась длившаяся несколько дней тяжба Совета с правительством, в ходе которой последнему пришлось уступить и поправить Милюкова. Масштабные стихийные манифестации и проявленная в дни «апрельского кризиса» неустойчивость правительства со всей очевидностью показали необходимость создания более прочной власти в России. Это трудно было сделать без Совета, находившегося под контролем умеренных социалистов. Начался закулисный торг о полномочном участии «советских» деятелей в правительстве. Он завершился 5 мая 1917 г. созданием первого коалиционного правительства. Председателем его оставался князь Г.Е. Львов, 10 министров принадлежали к умеренным элементам (кадеты и беспартийные), 6 – к социалистическим партиям. Две ключевые фигуры прежнего правительства – военный министр А.И. Гучков и министр иностранных дел П.Н. Милюков – вынуждены были покинуть свои посты. Новым главой МИДа стал миллионер М.И. Терещенко, беспартийный, но весьма известный своими демократическими речами. Меншевик И.Г. Церетели занял пост министра почт и телеграфа, а эсер В.М. Чернов – министра земледелия.

Второй правительственный кризис разразился в начале июля 1917 г. Ему предшествовал так называемый «июньский кризис». Последний отчасти был вызван действиями столичного гарнизона, опасавшегося отправки на фронт ввиду предполагавшегося в июне 1917 г. наступления русской армии. Под давлением солдат большевики и приняли решение провести вооруженную демонстрацию 10 июня. Встретив жесткий отпор со стороны Совета, они отменили свою демонстрацию и присоединились к другой, назначенной уже самим Советом на 18 июня.

Обилие радикальных лозунгов на манифестации 18 июня дало повод оценить ее как большевистский успех. Это во многом способствовало активному участию большевиков в событиях 2–4 июля 1917 г.

Поводом для массовых выступлений в столице вновь стали слухи о возможной отправке «революционных» солдат на фронт – вследствие провала наступления русского и начавшегося контрнаступления германского. 2 июля 1917 г. министры-кадеты, заявив, что не желают нести ответственность за распад страны, подали в отставку. Ожидая худшего, 2 июля солдаты нескольких десятков воинских частей отказались отправиться на фронт и начали усиленно подталкивать большевиков к тому, чтобы те возглавили их движение. Тем самым они намеревались придать ему «революционный» и политический смысл.

Действия солдатских и матросских анархистствующих масс, а также примкнувшей к ним некоторой части рабочих вышли из-под контроля большевиков уже 3 июля, когда состоялась вооруженная демонстрация у здания Петроградского Совета. 4 июля вооруженные солдаты, к которым примкнули балтийские матросы, вновь двинулись по улицам столицы по направлению к Совету. Начались столкновения и перестрелки вооруженных «демонстрантов» с правительственными войсками. Все это быстро окончилось вытеснением, арестами и разоружением восставших. Они оказались разрозненными, не имели общего плана действий и постоянно оглядывались на большевистских лидеров, которые были озабочены скорее сохранением своего алиби, нежели руководством восстанием. События 2–4 июля обнаружили колебания в лагере большевиков: они и хотели взять власть, и боялись поражения, предпочитая наблюдать, в какую сторону качнется чаша весов. Большевики призывали 3 и 4 июля ограничиться мирной демонстрацией, но с ее помощью ожидали достичь фактически насильственного перехода власти к Советам, – не обращая внимания на то, что первая часть этой формулы несомненно противоречит второй. Двойная игра – и в «легальность», и в «нелегальность» – являлась бесспорно проигрышной и в конечном счете парализовала их решительность. Большевики это учли в октябре 1917 г., бескомпромиссно вступив в борьбу с правительством и не слишком заботясь об оправданиях в случае своего проигрыша.

1.6. «Дело Корнилова»

Прямым следствием «июльского кризиса» стало упрочение власти Временного правительства. Оно начало действовать более решительно и закрыло большевистские газеты, арестовав по обвинению в причастности к мятежу ряд видных большевиков. В.И. Ленин и Г.Е. Зиновьев, опасаясь преследований, покинули Петроград. Новым верховным главнокомандующим назначается 16 июля генерал Л.Г. Корнилов, не скрывавший своего отвращения к послефевральской анархии в армии. На фронте вводилась смертная казнь за воинские преступления.

6–22 июля формируется второе коалиционное Временное правительство. Оно обычно считается более правым, чем предыдущее, но справедливее отметить, что ему пришлось действовать в более «правой» политической атмосфере России. Новым председателем правительства стал эсер А.Ф. Керенский, а В.М. Чернов, которому приписывали ответственность за крестьянские бунты, остался на посту министра земледелия. 4 министра нового правительства принадлежали к эсерам, 2 – к меньшевикам, 2 – к народным социалистам, 5 – к кадетам. Примечательно, что в своих обращениях правительство обещало ускорить проведение политических и экономических реформ. Оно не могло не понимать, что июльское восстание отражало недовольство не только солдат, но и более широких масс.

Ленин считал июль 1917 г. концом двоевластия. Верхушка Советов, по его мнению, уже не могла и не хотела контролировать правительство, действуя заодно с Керенским. Этим Ленин мотивировал необходимость снятия лозунга «Вся власть Советам», что и одобрил в августе 1917 г. VI съезд большевистской партии. В действительности же двоевластие сохранялось –

ЦИК Советов только ослабил остроту своего противостояния с правительством, получившим большую свободу действий. Однако у «советских» деятелей оставалось достаточно рычагов, чтобы не уступать в принципиальных политических вопросах. Даже Л.Г. Корнилов, боровшийся на фронте с армейскими комитетами, не мог ими полностью пренебрегать, опасаясь еще большей анархии и солдатских бунтов.

Изменение ситуации в стране отразилось и на Государственном совещании, созванном в Москве 12–15 августа 1917 г. Бурные овации, устроенные здесь Л.Г. Корнилову, равно как и обилие ораторов, требовавших наведения порядка в стране, дало повод впоследствии рассматривать само совещание как шаг к подготовке контрреволюционного мятежа. Однако инициаторы совещания, и в первую очередь А.Ф. Керенский, видели в нем лишь средство «единения патриотических сил», что помогло бы уменьшить давление «низов».

Движение России «вправо» было прервано корниловским мятежом. Разобраться в его тайных пружинах и по сей день трудно: обе враждующие стороны обвиняли друг друга в провокации, и найдется немало документов, подтверждающих их точку зрения.

Началом мятежа послужили слухи о готовящемся 27 августа новым большевистском выступлении в связи с предстоящей демонстрацией по поводу полугодия со дня свержения монархии. Временное правительство запретило шествия, одновременно обратившись к Корнилову с просьбой усилить военную власть в Петроградской губернии. Корнилов не ограничился этим и предложил 25 августа Керенскому прибыть в Ставку для решения вопроса о реформировании правительства. Одновременно он поручил генералу Крымову назначенному командующим отдельной Петроградской армией, «восстановить порядок в Петрограде». Повелительный тон приказов Корнилова встревожил министра-председателя. Получив сведения о подготовке Ставкой политического переворота и считая их достоверными, 27 августа правительство сместило Корнилова с поста верховного главнокомандующего и объявило Петроград на осадном положении. Командующие всех фронтов, кроме Кавказского, поддержали Корнилова. Получив известие о смещении, Корнилов изменил тактику и уже не пытался прикрываться вывеской Временного правительства. В выпущенном 27 августа 1917 г. воззвании он заявил, что «Временное правительство под давлением большевистского большинства советов действует в полном согласии с планами германского генерального штаба». Корнилов предпочел умолчать о своей программе, отметив только, что ему «ничего не надо, кроме сохранения Великой России», и пообещав «довести народ путем победы над врагом – до Учредительного Собрания, на котором он сам решит свои судьбы и выберет уклад своей новой государственной жизни».

Пути примирения между Корниловым и Керенским были отрезаны. 27 августа 1917 г. Корнилов двинул на Петроград войска генерала А.М. Крымова, ударную силу которых составляла Кавказская туземная (так называемая «дикая») дивизия. Крымов не смог продвинуться далеко. Железнодорожники разобрали пути, а мятежные войска под влиянием нахлынувших к ним агитаторов и, опасаясь атаки частей петроградского гарнизона, объявили о нейтралитете. Корнилов и поддерживавшие его командующие фронтами были арестованы. Новым верховным главнокомандующим стал сам А.Ф. Керенский.

Ликвидация корниловского выступления в одночасье изменила политический климат в стране, вызвав его резкое «полевение». 1 сентября 1917 г. правительство, не дожидаясь созыва Учредительного собрания, объявило Россию республикой. Прекратились преследования большевиков, и 14 сентября собралось Демократическое совещание – с теми же целями «единения страны», как и ранее Государственное совещание, но только теперь имевшее отчетливо «социалистическую» окраску. В новом правительстве уже не была представлена партия кадетов. С начала сентября страной управляла директория из пяти лиц, позднее правительство стало действовать в более полном составе. Туда вошли и близкие к кадетам лица, но не как представители партии.

В «полевешей» стране, при начавшейся с сентября большевизации Советов, политика Керенского почти не изменилась. Предпарламент (постоянный консультационный орган, избранный Демократическим совещанием) обсуждал все вопросы, но мало что решал. Продолжались разговоры о демократическом мире, но дальше предложений о согласовании с союзниками целей войны правительство не шло. Решение о земле откладывалось до Учредительного собрания, хотя многие земельные комитеты уже выработали свои указы. Но умеренную политику можно было проводить лишь в тех условиях, пока правые партии обладали политическим весом и влиянием и пока армия подчинялась приказам. Керенский же и после падения Корнилова действовал старыми приемами, он не собирался (да и не мог) перехватить инициативу у противников. Он продолжал свой прежний умеренно-центристский курс, не считаясь с тем, что любая политика есть производное от соотношения противоборствующих сил – а последнее стало осенью 1917 г. уже далеко не в пользу центристов.

1.7. Подготовка большевистского восстания

Речи о свержении Керенского, поутихшие в дни корниловского мятежа, вновь стали звучать в большевистской среде с середины сентября. Резче всех об этом говорил Ленин, скрывавшийся в Финляндии. Вернувшись в Петроград в начале октября 1917 г., он усилил давление на большевистский Центральный комитет, требуя его согласия на ускоренную подготовку и проведение восстания еще до открытия II Всероссийского съезда Советов. В самом ЦК не все, однако, соглашались с позицией Ленина. Члены ЦК Л.Б. Каменев и Г.Е. Зиновьев осудили ее как авантюру, отмечая повсеместное равнодушие масс, неудачность выбора времени и неподготовленность большевиков. Состоявшееся 10 октября 1917 г. заседание ЦК приняло подавляющим большинством голосов (10 против 2) сторону Ленина. 16 октября ЦК подтверждает это решение и создает Военно-революционный центр. Вместе с тем ни дата восстания, ни его конкретные детали в то время так и не были определены. Как ни торопил всех Ленин, дело двигалось медленно. Даже полки Петроградского гарнизона, поддержавшие большевиков, не хотели первыми ввязываться в бой, обещая помощь лишь в случае реальной угрозы со стороны Керенского. Мешала и конспирация: все видные большевики открыто отрицали какие-либо намерения поднять восстание.

В этой связи особый отклик получило письмо Л.Б. Каменева. Оно было опубликовано в издаваемой М. Горьким газете «Новая жизнь», которую большевики считали полуменьшевистской, а их противники – полубольшевистской. Письмо было крайне осторожным. Каменев прямо заявил: «Мне не известны какие-либо решения нашей партии, заключающие в себе назначение на тот или другой день какого-либо выступления. Подобных решений партии не существует». Правда, Каменев не ограничился этим, а аргументированно высказался против самой мысли о немедленном восстании, разумеется, никак не связав ее со спорами в ЦК. Но и того, что было сказано, оказалось для Ленина достаточным: в письме ЦК 19 октября он счел это за недопустимое продолжение дискуссии по уже решенному вопросу. Само письмо Каменева не лишено двусмысленности. Его слова об «усиленном обсуждении вопроса о выступлении» можно было трактовать и как относящиеся к дискуссии в ЦК, и как касающиеся кампании в прессе: почти все газеты со второй декады октября были полны сообщений о грядущем большевистском «выступлении». Как бы то ни было, Ленин посчитал, что дело сделано и таиться более не имеет смысла. В обширном «Письме к товарищам» он подробно рассказал о том, почему нужно восстание и даже как надо его организовывать. «Письмо к товарищам» было напечатано под именем Ленина в газете «Рабочий путь» 19, 20 и 21 октября, как раз накануне переворота.

Прологом восстания стала организация Петроградского военно-революционного комитета. Впервые революционный комитет обороны Петрограда был создан Петроградским Сове-

том 9 октября 1917 г. для защиты столицы от немцев: слухи о том, что Керенский хочет сдать врагу Петроград и тем самым уничтожить гнездо большевизма, широко распространились в то время. 12 октября Исполком Петросовета уточнил устав Комитета обороны и дал ему новое название – Петроградский военно-революционный комитет. Хотя ПВРК создавался как орган всего Совета (а там были не только большевики), он очень быстро превратился в большевистский военный центр по подготовке восстания. Постепенно ПВРК стал присваивать себе функции военной власти в столице. В резолюции полковых комитетов Петроградского гарнизона 21 октября 1917 г. ему обещалась «полная поддержка во всех его шагах» со стороны гарнизона. Осмелев, ПВРК 22 октября попытался поставить под свой контроль штаб Петроградского военного округа, но получил отказ. На следующий день, 23 октября, представители полков одобрили новую резолюцию, в которой говорилось, что «никакие распоряжения по гарнизону, не подписанные Военно-революционным комитетом, не действительны». 24 октября штаб Петроградского военного округа запретил солдатам покидать казармы, пригрозив в случае невыполнения приказа «преданием суду за вооруженный мятеж». Но именно в этот день восстание уже стало свершившимся фактом.

2. Дипломатия

2.1. Изменение формулы войны

Временное правительство быстро получило дипломатическое признание западных стран. Примечательно, что первыми из великих держав признали «свободную Россию» США, обойдя при этом ближайших военных союзников. Процесс признания, однако, в значительной степени являлся формальным. Прежде всего, союзников интересовало, будет ли новая власть соблюдать принятые ранее внешнеполитические обязательства, – и их заверили, что никаких изменений не предвидится. Позже всех из союзников признала Россию Япония (22 марта), но здесь задержка была скорее следствием бюрократической медлительности, а не политической демонстрацией. К 20 марта правительство Львова признали почти все нейтральные и союзные европейские державы.

Новое правительство, заявившее о своем полном политическом разрыве с наследием царизма, должно было неизбежно провести и переоценку внешнеполитических целей России. В первом своем воззвании 3 марта Временное правительство, намечая программу политических и социальных преобразований, решило обойти молчанием тему войны и мира. Впервые оно коснулось ее в «Обращении к гражданам Российского государства» 6 марта 1917 г. Этот документ в дипломатической своей части создавался скорее для «внешнего» употребления и преследовал цель успокоить союзников. В «Обращении» борьба со старым режимом увязывалась с борьбой против Центральных держав (Германия и Австро-Венгрия. – *С.Я.*): тем самым обосновывался тезис о «революционной войне» (война, которая ведется не для захвата чужих земель, а для защиты революции. – *С.Я.*). Он формулировался здесь следующим образом: «Правительство верит, что дух высокого патриотизма, проявившийся в борьбе народа со старой властью, окрылит и доблестных солдат наших на поле брани». Ничего не говоря о целях войны, правительство обещало «довести войну до победного конца» и объявило о своей верности заключенным военным союзам.

Давление левых партий и низов, отразившееся стихийными выступлениями и митингами, недовольство союзников, требовавших от России более четко определить свое отношение к войне, – все это побуждало новую власть яснее обозначить свои политические цели. Лозунг мира «без аннексий и контрибуций» в марте стал выдвигаться не только крайними, но и умеренными социалистами. 14 марта Петроградский Совет обратился к «пролетариям и

трудящимся всех стран» с Манифестом, в котором предложил «начать решительную борьбу с захватными стремлениями правительств всех стран». Осудив войну Совет, однако, не сказал главного: как ее закончить. Он призывал народы Центральных держав сбросить «иго полусамодержавного порядка», но все это не могло стать сиюминутным делом: революции не всегда кончают войны, и не было гарантии, что после переворота в Германии или Австро-Венгрии не найдутся силы, которые тоже могли бы придать войне «революционный» оттенок.

Ожидаемая всеми Декларация Временного правительства о задачах войны была принята 27 марта 1917 г. Это столь же двусмысленный документ, что и Манифест Петросовета; в нем, правда, было поменьше социалистической терминологии и ни к чему не обязывающих «демократических» фраз. Ключевой пункт декларации – заявление о том, что цель свободной России – не главенство над другими народами, не «отнятие у них национального их достоинства, не насильственный захват чужих территорий, но утверждение прочного мира на основе самоопределения народов». Данные обязательства выглядели весьма демократично, но тут возник целый ряд вопросов.

Согласно ранним взаимным договоренностям между царским правительством и союзниками, Россия после успешного окончания войны должна была получить территориальные приращения – в частности, Константинополь и Проливы. Разумеется, эти договоры были тайными, но их никто не отменял. Своим заявлением об отказе от захватов Временное правительство, казалось, разрывало их. Возможно, союзники и сочли бы это внутренним делом страны, но тогда возникала другая проблема: как заключать мир без аннексий, если в тех же тайных договорах Россия соглашалась с тем, чтобы Франция получила Эльзас и Лотарингию, Италия – часть австро-венгерских владений и т. д. Союзники, однако, не собирались отказываться от собственной доли. Выраженное в декларации согласие полностью соблюдать обязательства перед странами Антанты (Англия и Франция. – С.Я.) выглядело в данной связи крайне противоречиво и расплывчато.

2.2. Апрельский кризис

Это отчетливо почувствовали союзники, потребовав от России более ясно заявить о целях войны. В результате их давления после тщательного и долгого рассмотрения Временное правительство приняло решение направить 18 апреля 1917 г. ноту Министерства иностранных дел союзным державам. Она призвана была разъяснить и уточнить правительственную программу. В целом нота трудно отличить от Декларации 27 марта – она написана почти тем же осторожным либерально-демократическим языком. Основные их различия следующие: во-первых, в самом тексте ноты не была повторена уже процитированная выше ключевая формула Декларации 27 марта о мире без захватов; во-вторых, в текст ноты было включено весьма уклончивое и поддающееся многим толкованиям положение о том, что «передовые демократии найдут способ добиться тех гарантий и санкций, которые необходимы для предупреждения новых кровавых столкновений в будущем».

Этими разночтениями, конечно, существенными, все же нельзя полностью объяснить тот широчайший общественный резонанс, который получила нота. Здесь сказалось прежде всего изменение политической атмосферы в стране. Воззвание правительства 3 марта вообще не упоминало о войне, но это мало кто заметил. Теперь же, к середине апреля, после многодневного обсуждения проблем мира в печати и на собраниях, после все более смелых публичных «миротворческих» предложений, к которым по привычке, после большевистской разоблачительной кампании, после частых разговоров о «тайных разбойничьих договорах», которые, правда, мало кто видел, что и умножало слухи, – после этого любое, даже малозаметное официальное умолчание о целях войны возбуждало крайне нервный массовый отклик.

Временное правительство вынуждено было уточнить ноту Милюкова. В правительственном обращении 21 апреля разъяснялось, что слова ноты о решительной победе над врагом имеют в виду достижение справедливого, не основанного на захватах мира; в связи с этим полностью приводилась уже упомянутая ключевая формула мира из Декларации 27 марта. Правительству пришлось также уточнить положение о санкциях и гарантиях мира – оно, как отмечалось, «подразумевало ограничение вооружений, учреждение международного трибунала и проч.».

Апрельский кризис не был случайностью. Иногда вообще трудно определить, в каких нотах выражены искренние намерения правительства, в каких они маскировались с целью не раздражать общественное мнение и где они искажались, чтобы не тревожить союзников. И само правительство не было едино по вопросу о войне. Позиция П.Н. Милюкова, требовавшего Проливов, явно противоречила позиции Керенского, близкой по духу к «советским» заявлениям, – хотя оба они и были сторонниками войны до победного конца. Столь характерная для Временного правительства «первых месяцев свободы» игра с декларациями и нотами, которые предназначались то для внутреннего, то для внешнего употребления, в конечном счете обернулась не только обыкновенной путаницей, но и крупнейшим политическим поражением правых партий. Формула «мир без насилия и захватов» стала обязательной принадлежностью почти каждого важнейшего правительственного воззвания, она была той границей, отступить от которой уже не смел ни один министр.

2.3. Отношения с союзниками

После отречения царя Антанте стало легче оправдывать свою борьбу с Германией: теперь можно было с большим основанием говорить о противостоянии передовых демократий с новым полусамодержавным «жандармом Европы». Идеологические выгоды, которые приобрели союзники, быстро померкли, когда началось всеобщее и неостановимое разложение русской армии, когда стали иссякать поставки русского продовольствия союзникам, когда прекратились всякие активные действия на фронте. Бессилие государственной власти, остерегавшейся даже говорить в полный голос о том, чего она хочет, побуждали союзников все более откровенно вмешиваться в русские дела. Часто выражаемая в дипломатической переписке союзников надежда на то, что Временное правительство сохранит армию и страну от анархии, со временем обернулась нотациями и упреками. Впрочем, скоро выяснилось, что у Антанты не очень много рычагов давления на Россию. Важнейший из них – финансовый – мог еще влиять на поведение правительства, но не общества, уставшего от войны. Предпринятое отчасти под давлением союзников контрнаступление русской армии в июне 1917 г. закончилось неудачей.

Вызывали раздражение на Западе и постоянные попытки России пересмотреть цели войны. Первое такое обращение союзники получили 5 мая 1917 г. от нового коалиционного правительства. Союзники, правда, не отвергли целиком русское предложение, но фактически рядом оговорок подтвердили, что они не собираются окончить войну с пустыми руками. Самым примечательным был ответ Франции, заявившей, что присоединение Эльзаса и Лотарингии будет не аннексией, а возвращением утраченных территорий, а выплата Германией денег – не контрибуцией, а возмещением за совершенные во Франции опустошения. Разумеется, эта позиция не была лишена оснований, но нетрудно заметить, что при такой постановке вопроса любые разговоры о мире без аннексий и контрибуций лишались всякого смысла.

2.4. Российская дипломатия летом-осенью 1917 г.

После «июльского кризиса» Временное правительство стало еще настойчивей говорить о пересмотре целей войны. В опубликованной 6 июля декларации оно уже откровенно предло-

жило «собраться на союзную конференцию в течение августа для определения общего направления внешней политики союзников и согласования их действий при проведении принципов, провозглашенных русской революцией». Уступкой общественному мнению можно считать и пожелание, чтобы наряду с дипломатами на совещание были вызваны и «представители русской демократии». Однако уже в августе правительство не особенно настаивало на этом: достигнутое в июле относительное «умиротворение» страны могло быть снова поколеблено публичным обсуждением столь болезненного вопроса. Керенский понимал, что союзники здесь едва ли приблизятся к русской формуле.

Если обобщить взгляды русской дипломатии на послевоенный мир осенью 1917 г. в том, что касалось России, то они имели следующий вид: 1) к Германии не предъявлялось никаких территориальных требований, но не допускалось, чтобы соседние с ней области стали сферой германского влияния; 2) Черноморские Проливы и Константинополь не присоединялись к России, но должен быть установлен их особый статус, учитывающий русские интересы; 3) все славянские области Австро-Венгрии должны получить право на самоопределение. Такова была программа М.И. Терещенко.

Существовала и более либеральная «программа демократии», которая тоже претендовала быть частью внешнеполитической концепции России. Она была оформлена в виде наказа М.И. Скобелеву, «представителю демократии» на предстоящей мирной конференции союзников. В «верхах» ее критиковали, но полностью не отвергали: правительство не могло пренебрегать поддержкой умеренных левых партий. И теперь, когда правительство находилось уже на краю обрыва, вновь выявилась множественность внешнеполитических программ, нередко противоречащих друг другу, но одинаково принимаемых властями. Этот неустрашимый дипломатический изъясн был характерен для всего послефевральского периода. Он изначально подтачивал дипломатическую волю и решимость России, придавая ее внешней политике рыхлость и неотчетливость.

Идея мирной конференции вновь была возрождена после корниловского мятежа, ввиду «полевения» страны. Союзники согласились созвать ее в Париже осенью 1917 г., но попытались изменить повестку конференции, исключив из нее вопрос о целях войны и сосредоточив основное внимание на способах ведения войны и средствах помощи России. По существу, намечалась только военная конференция, с чем Временное правительство после некоторой борьбы и согласилось. Несмотря на это, Керенский вплоть до своего смещения продолжал утверждать, что конференция явится важнейшим шагом к миру.

Экономика

1. Экономические системы

1.1. Экономическая программа Временного правительства

Оформленная в марте-апреле 1917 г. экономическая программа нового правительства покоилась на нескольких основных принципах: 1) ограниченное государственное вмешательство в деятельность промышленности с тем, чтобы отладить и отрегулировать ее работу. В документах коалиционного правительства и, в частности, в Декларации 6 мая предполагалось, что государственный контроль должен быть дополнен контролем общественным; 2) «раскрепощение труда». Под этим понималось, прежде всего, улучшение труда и быта рабочих, предоставление им права на стачку, создание паритетных органов, регулирующих трудовые отношения и гасящих трудовые споры; 3) поощрение частной инициативы и предпринимательства, устранение сковывавших их законодательных стеснений; 4) ограничение прибылей промышленников. В Декларации 6 мая эта цель изложена следующим образом: «правительство обратит особое внимание на усиление прямого обложения имущих классов»; 5) преодоление продовольственного кризиса путем введения хлебной монополии; 6) усовершенствование аграрного законодательства с целью предотвратить спекуляцию землей.

Эта программа уточнялась в последующие месяцы лета и осени 1917 г., но не претерпела больших изменений. Главным камнем преткновения между левыми и правыми партиями служили два вопроса: о пределах государственного вмешательства в экономику и об изъятии прибылей у предпринимателей. Противник чрезмерной государственной экономической опеки министр промышленности А.И. Коновалов 18 мая 1917 г. ушел в отставку но никаких эффективных социалистических экспериментов в масштабах страны никто не проводил – ни кадетское, ни коалиционное правительство.

Вопрос о налогах также был предметом широкой общественной дискуссии. Полностью изъять «сверхприбыли буржуазии», как предлагалось в нескольких резолюциях Совета, министры не решились. Но они согласились на принятие 12 июня 1917 г. налоговых законов, ограничивающих сверхприбыли. Если ранее наивысший доход (в 1917 г. он был определен в 400 тыс. рублей) облагался 12,5% налогом, то теперь налог был повышен до 30%. Резко, почти в 2,5 раза увеличивались и налоговые ставки для капиталов в 100 тыс. рублей.

1.2. Рабочий вопрос

Первым важнейшим шагом здесь стало введение восьмичасового рабочего дня. 10 марта 1917 г. соглашение об этом было подписано между Петроградским обществом заводчиков и фабрикантов и Петроградским Советом. Вскоре восьмичасовой рабочий день был фактически введен во всех промышленных центрах России. Временное правительство не препятствовало этому, хотя особого закона и не издало.

Рабочий контроль стал осуществляться явочным порядком с весны 1917 года. Ни систематичности, ни продуманности в нем не было – где-то изгоняли неугодного хозяина, где-то пытались охранять заводские склады и помещения, опасаясь «саботажа». Это были действия преимущественно рабочих-радикалов в фабзавкомах, которые ссылались на фабричные массы и, разумеется, учитывали их мнение, зачастую по-своему «углубляли» противоречия между управляющими и управляемыми. Вмешательство рабочих в управленческие дела, равно как и эксцессы на заводах вроде «вывоза на тачках», возмущали предпринимателей. Временное пра-

вительство, не умея и не желая «наводить порядок» на предприятиях с помощью силы, предлагало рабочим и предпринимателям договориться миром. Классового «умиротворения» оно пыталось достичь и узаконением деятельности рабочих комитетов (фабзавкомов), возникших во время революции: они получили официальную поддержку в правительственном постановлении 23 апреля 1917 г. «О рабочих комитетах в промышленных предприятиях».

Зримым проявлением «классовой борьбы» на фабриках и заводах в 1917 г. стали забастовки. Число экономических стачек хотя и медленно, но росло. Весной и отчасти летом 1917 г. остановки работ были краткими и кончались обычно удовлетворением просьб рабочих, хотя и не полностью, и не всех. Споры касались вопросов заработной платы, увольнения рабочих, устранения неугодных фабрично-заводским массам администраторов и мастеров. Политическую окраску забастовки начали приобретать с осени 1917 г. Вплоть до октября 1917 г. политизация стачек происходила путем присоединения ее участниками ряда политических пунктов к блоку экономических требований. Разумеется, и такую стачку можно считать политической, но для ее окончания вполне было достаточно решения только экономических вопросов.

Желание рабочих узнать, почему им не выдаются заработанные деньги, оправданны ли простои и почему не подвозится сырье, было вполне понятно, но разобраться в сложной отчетности и в коммерческих хитросплетениях они не могли. Вмешиваясь, они нарушали правила коммерческих игр и в конечном счете еще более затрудняли и запутывали деятельность предприятий.

В анархическом колдовороте 1917 г. вообще очень трудно отделить искусственные причины производственных кризисов от естественных и выяснить, в каком случае предприниматель не мог, а в каком не хотел продолжать работу своих фабрик. Но не везде и не всегда в то время фабзавком и администрация находились в непримиримых столкновениях. В 1917 г. порой наблюдалась своеобразная взаимопомощь рабочих и предпринимателей, не только споривших друг с другом, но и решавших вместе проблемы своего завода. Сырье, кредиты, авансы – все это владелец предприятия в ряде случаев получал, опираясь на поддержку именно фабрично-заводского комитета.

1.3. Крестьянский вопрос

Временное правительство понимало важность решения крестьянского вопроса. Но чтобы совершить аграрный переворот, требовались особые воля и сила, которыми оно не обладало. Нужно было сделать это быстро, но и спешить было нельзя, потому что получилось бы еще хуже: началась бы цепная реакция столкновений всех и вся в деревне. В сущности, аграрный «узел» в том положении, в каком его застала революция, представлял ловушку для любого собственно «нормального» (не экстремистского) правительства.

Принципиально земельная реформа откладывалась до созыва Учредительного собрания. Разумеется, решать такой большой и больной вопрос лучше было бы авторитетному народному собранию, чем наспех сколоченному Временному правительству, постоянно критикуемому и слева, и справа. Но, пытаясь примирить интересы всех, правительство лишь вызвало всеобщее озлобление – и тем, что не смогло пресечь аграрные беспорядки, и тем, что не сумело вовремя поделить землю.

Первое правительственное постановление, касающееся земельного вопроса, датировано 19 марта 1917 г. Его изданию способствовали два обстоятельства: 1) начавшиеся земельные захваты и 2) давление левых партий. В постановлении впервые в полном виде дана ключевая формула, объясняющая нереальность быстрого аграрного переворота: «Правильное рассмотрение и принятие закона о земле невозможно без серьезной подготовительной работы, собирания материалов, учета запасов, распределения земельной собственности, выяснения условий и видов землепользования и т. д.». Все это не раз будет звучать и позднее, и чем дальше, тем

меньше будет этому веры. Отсюда и рост так называемых аграрных преступлений – захватов земель, порубок лесов, потрав полей.

11 апреля правительство вынуждено было принять постановление об охране посевов, но применять для этого воинские команды решилось не сразу. Однако именно 11 апреля оно рискнуло сделать первый, действительно реальный шаг в земельном вопросе: разрешило отчуждать у владельцев не засеваемые ими пахотные земли, правда, за компенсацию. 21 апреля были созданы местные и Главный земельные комитеты. Им поручалось провести подготовительную работу по осуществлению аграрной реформы. Другим важным шагом правительства стал закон 11 июня 1917 г. об ограничении земельных сделок. Во-первых, он устанавливал контроль за совершением земельных сделок со стороны губернских земельных комитетов с целью прекращения земельных спекуляций, во-вторых, отмечал, что любые земельные сделки, совершенные после 1 марта 1917 г., не могут ограничивать волю Учредительного собрания при принятии законов о земле.

Об общих принципах будущей аграрной реформы правительство изъяснялось крайне туманно, постоянно повторяя о том, что это правомочно решить только Учредительное собрание. Так, в правительственной Декларации 8 июля 1917 г. было лишь подчеркнуто, что в основу будущей земельной реформы должна быть положена мысль о «переходе земли в руки трудящихся»; куда подробнее там говорилось об умиротворении крестьянских волнений. Всего несколько строк было посвящено вопросу об «упорядочивании земельных отношений» и в последней правительственной Декларации 26 сентября 1917 г.

1.4. Продовольственный вопрос

Понимая, что вопрос о хлебе есть во многих отношениях и вопрос о власти, Временное правительство попыталось рядом мер смягчить продовольственный кризис в стране. Оно быстро оттеснило «советских» деятелей от продовольственных дел, исходя при этом из вполне логичного мнения, что многоначалие здесь равносильно краху.

При старом режиме продовольствие поступало населению посредством вольной торговли и через государственные заготовки. Уже к 1917 г. была отчетливо видна порочность этой комбинации. Хлеба выращивали все меньше, и коль скоро его рыночная цена повышалась, проводить государственные заготовки становилось все труднее. В связи с этим Временное правительство вынуждено было ввести 25 марта 1917 г. хлебную монополию. Она была узаконена правительственным постановлением «О переходе хлеба в распоряжение государства». Суть хлебной монополии можно свести к следующим положениям: 1) собранный хлеб (из урожая как 1916, так и 1917 г.) берется на учет государством. Сведения об урожаях должны предоставляться самими хлебопроизводителями. В случае обнаружения спрятанного хлеба он изымался, но не бесплатно, а за половину установленной на него «твердой» цены; 2) производителям хлеба оставалось лишь то его количество, которое необходимо было для личного потребления и для проведения посевных работ. Остальной хлеб сдавался государству по «твердым» ценам; 3) собранный государственными органами хлеб распределялся равномерно среди остального населения. Для решения этой задачи создавались местные продовольственные комитеты. Чтобы хоть как-то компенсировать убытки хлебопроизводителей, «твердые» цены на хлеб повысили по сравнению с 1916 г. в среднем более чем на 60%.

Хлебная монополия получила одобрение Советов и левых партий, но она же вызвала и резкие протесты многих предпринимателей, торговцев и производителей хлеба. В их жалобах, правда, своекорыстный умысел трудно было отличить от искренней озабоченности тем, сможет ли правительство одно, без частных посредников, наладить доставку и распределение продовольствия и возможно ли увеличение урожаев без соблюдения частных интересов.

Хлебная монополия неминуемо должна была нанести удар по сельскому хозяйству. Производство хлеба, несмотря на подъем «твердых» цен, стало теперь делом куда менее выгодным, далеко не оправдывающим затраченные средства. Хлебной монополией были недовольны не только помещики и «кулаки», но и многие простые крестьяне. В целом хлебную монополию можно считать вынужденным, но во многом не удавшимся экономическим экспериментом. Сами продовольственные комитеты нередко разгонялись – либо правительством за их причастность к незаконным реквизициям и неумелость в работе, либо крестьянами, которые враждебно относились к продкомитетам.

Пытаясь хоть как-то улучшить продовольственное положение, Временное правительство 27 августа 1917 г. нарушило незыблемый принцип хлебной монополии – «твердость» цен. Новый потолок цен на хлеб намного превысил предыдущий, но и данная мера не очень-то помогала. Начиная со второй половины лета 1917 г. стала быстро расширяться карточная система распределения продуктов. Продовольственные запасы таяли. Голода пока еще не было, но бесчисленные разговоры о «грозящей катастрофе» возникли осенью 1917 г. не случайно: цифры показывали сокращение уровня жизни населения, особенно на окраинах и в неземледельческих областях России.

2. Экономическое развитие

2.1. Промышленность

Кризисные явления в промышленности обозначились еще в предшествующие годы. Их определяли не столько специфические обстоятельства 1917 г., сколько инерция общего экономического распада, вызванного войной. Но к осени 1917 г. экономический кризис был усилен расстройством снабжения из-за транспортных неурядиц, инфляцией, нехваткой топлива, а также отчасти падением трудовой дисциплины, анархическими выступлениями рабочих, бесконечным митингованием, снизившим продуктивность работы, резким падением производительности труда. В целом валовая продукция промышленности сократилась по сравнению с 1916 г. более чем на 33%.

Кризис являлся всеобщим: не было ни одной отрасли промышленности, которую бы он не затронул. Менее всего пострадали машиностроение и металлообработка – те отрасли, которые непосредственно работали на оборону. Очень сильно кризис сказался на топливной промышленности. Производство нефти в 1917 г. составило только 86% от уровня 1916 г. В Донском бассейне производство угля упало в октябре 1917 г. почти на треть по сравнению с октябрём 1916 г. – хотя в целом по стране угля было получено в 1917 г. по сравнению с 1916 г. меньше на 14%. Угольный кризис во многом обусловил снижение выплавки и чугуна на металлургических заводах Юга России – в среднем на 22% по сравнению с показателями 1916 г. В стране сократилось производство стали, железной руды и особенно станков. Из-за недостатка сырья резко снизился выпуск продукции ткацкой промышленности.

2.2. Сельское хозяйство

В сельском хозяйстве симптомы кризиса не проявились столь впечатляюще. Посевные площади снизились по сравнению с 1913 г. примерно на 7%, а по производству хлеба показатели 1916 и 1917 гг. почти совпали. Понижались урожаи технических культур, что в значительной мере являлось следствием повышения цен на хлеб. Сократилось поголовье скота – лошадей и коров – ввиду большой потребности многомиллионной армии. И все же продовольственный кризис второй половины 1917 г. отчасти был кризисом не производства, а распре-

деления. Хлеб прятали, преуменьшали его наличное количество, не довозили до потребителя, теряли при транспортировке.

2.3. Транспорт

В транспортном хозяйстве упадок зримо обозначился уже в 1916 г. Ведомственные неразбериха, бюрократические проволочки, непродуманность транспортной политики – все это усилилось анархией 1917 г. При обширности территории, неразвитости дорог и ограниченности возможностей гужевого транспорта в России основная тяжесть перевозок легла на железнодорожный и водный транспорт. Это приводило к быстрому изнашиванию транспортных средств. В результате возникла примечательная ситуация: во многих городах не хватало продовольствия, но в других городах и местностях оно лежало на складах ввиду невозможности вывоза. Особые трудности испытывал гражданский пассажирский транспорт. переброска солдат, эвакуация беженцев, доставка военных грузов привели к резкому сокращению пассажирских перевозок.

Общество

1. Демографические и социальные характеристики

В 1916–1917 гг. были проведены две переписи: поземельная 1916 г. (она учитывала сельское население и не касалась оккупированных территорий) и поземельная и городская перепись мая-июня 1917 г. Однако точную цифру населения в 1917 г. установить трудно – по разным оценкам она колеблется в пределах 160–170 млн человек. Примерно 18% из их числа принадлежало к городскому населению, 82% – к сельскому. В 1917 г. итог естественного прироста населения равнялся -2,8 (рождаемость в 1917 г. составила 26,3, а смертность – 29,1 на 1000 человек). И смертность, и сокращение рождаемости были непосредственно связаны с войной, с убылью мужского населения, болезнями и смертью на фронте, ухудшением материального положения. Система здравоохранения почти не подвергалась реформам в бурном 1917 г. и в целом находилась не на очень высоком уровне. Число больничных коек в 1917 г. составило 55,6 тыс., сократившись по сравнению с 1913 г. более чем на 9 тыс. Существенно снизилось по сравнению с 1913 г. число коек в родильных медицинских учреждениях.

Данные о социальном составе населения в это время не очень точны. Переписи (здесь особо следует выделить профессиональную 1918 г. и промышленную 1920 г.) основаны на различных методиках и часто не затрагивают тех сюжетов, которые интересовали статистиков в предшествующие и последующие годы. Ряд исследователей оценивает численность рабочих в 1917 г. в 4,2–4,4 млн человек (14–15% самодеятельного населения России), но и эти цифры были предметом спора. Наиболее многочисленной социальной группой являлось крестьянство – оно составляло свыше 60% занятого населения страны.

Особо следует сказать о безработице. Весной 1917 г. о ней никто всерьез не говорил, и даже отсутствует сколь-нибудь надежная статистика по этому вопросу. Размеры безработицы в то время историки пытаются оценить, используя отрывочные данные о закрытии предприятий и увольнении занятых на них лиц. Но безоговорочное причисление уволенных к безработным едва ли правомерно, хотя, конечно, какая-то их часть действительно стала таковыми. С конца лета 1917 г. число закрывавшихся из-за убыточности фабрик и заводов начало быстро расти. Обеспокоенное этим, Временное правительство разработало обширный план организации бирж труда во многих городах России, но осуществить его уже не хватило времени.

2. Уровень жизни

В годы войны наблюдалось увеличение номинальной заработной платы рабочих – на 29% в 1915, на 203% в 1916 и на 492,5% в 1917 г. Столь резкий скачок едва ли совместим с устойчивыми ценами, и, разумеется, указанные цифры нельзя принимать без учета ценовой динамики. Некоторые исследователи (К.А. Пажитнов, Б.А. Гухман) полагали, что рост зарплат опережал рост цен, и делали вывод не только о номинальном, но и о фактическом повышении оплаты труда. Эту точку зрения отверг С.Г. Струмилин, установивший, что реальная заработная плата в 1917 г. упала почти вдвое по сравнению с 1913 г.

В целом нельзя отрицать падение реальной заработной платы в годы войны, но до 1917 г. оно не было столь заметно, как позднее. В 1917 г. положение резко изменилось. С оговорками можно принять цифры переписи фабрично-заводской промышленности за 1913–1917 гг., которая на основе данных по более чем 2300 промышленным предприятиям определила, что заработок рабочих в 1917 г. составлял менее четверти довоенной оплаты труда.

Вместе с заработками рабочих росло и жалование государственных служащих, учителей и представителей других профессиональных групп, финансируемых государственным бюджетом, – и это в тех условиях, когда расходная часть бюджета начинала преобладать над доходной. В середине 1917 г. уже были видны признаки приближения инфляционного взрыва. В какой-то мере он был подготовлен начавшимся тогда же изменением минимума гарантированной заработной платы – его повышения в первую очередь добились крупнейшие профсоюзные объединения Москвы и Петрограда. Сказался и заметно увеличившийся с августа 1917 г. выпуск кредитных билетов без золотого обеспечения. Последствия не замедлили проявиться. В центральных губерниях России за два месяца (сентябрь-октябрь 1917 г.) цены выросли на 340%. Новые тарифы оплаты труда лишь отчасти смягчили этот удар. Политическая анархия и экономический хаос в конце 1917 г. резко подхлестнули гонку цен и зарплаты. Стремительно увеличивавшийся разрыв между ними далеко не полностью компенсировался «карточной» продажей ограниченного количества продуктов по государственным «твердым» ценам.

Попытки введения «карточной» системы предпринимались еще до Февральской революции. С весны 1917 г. в Москве и Петрограде по карточкам продавали хлеб и сахар, а с лета – крупу и жиры. На первых порах различие между «карточной» и рыночной стоимостью важнейших продуктов не было велико, но зазор между ними расширялся с каждым месяцем.

Власть

1. Высшие органы власти

Система высших органов власти лишь отчасти была затронута революцией. Ее перестройка свелась скорее к устранению лиц, а не государственных учреждений. Любые «передвижки» в системе власти старались обставлять множеством юридических актов, но механизмы принятия этих актов противоречили Основным законам Российской империи. Новое правительство было создано Временным комитетом Государственной думы, его программа определялась соглашением думцев и Совета, а его председателя назначил император. Те же немислимые с юридической точки зрения и причудливые «властные» комбинации возникали и в других случаях, служа наглядным примером политико-государственного хаоса первых дней революции.

8 марта 1917 г. Совет министров получил новое название – Временное правительство, под которым и действовал вплоть до своего крушения в октябре 1917 г. Прежние министерства были сохранены, причем часть из них под своими старыми названиями: Министерство иностранных дел, Министерство земледелия, Министерство внутренних дел, Министерство юстиции, Министерство финансов, Министерство народного просвещения. Внутри министерств, особенно тех, которым принадлежали карательные функции, осуществлялся ряд структурных перемен. В МВД прежде всего ликвидировались такие одиозные подразделения, как Штаб Отдельного корпуса жандармов, Главное управление по делам печати и Департамент полиции. Распускались государственные учреждения, непосредственно связанные с императорской властью, – Министерство Императорского двора и уделов и Собственная его императорского величества канцелярия. Ряд новых министерств был образован в конце весны 1917 г., в период формирования первого коалиционного правительства. Это министерства продовольствия, труда, государственного призрения, почт и телеграфов. Вместо Синода в августе 1917 г. было создано Министерство исповеданий. Сенат сохранил некоторые судебные функции, но упразднились такие его органы, как Особое присутствие и Верховный уголовный суд.

В России после отречения царя фактически не было главы государства. Даже провозглашение республики 1 сентября не побудило власти создать хоть какое-то подобие «президентского» поста – все оставлялось на усмотрение Учредительного собрания. В России отсутствовал парламент. При формировании правительства Временным комитетом Государственной думы отчасти учитывалось влияние той или иной думской фракции. Но Дума фактически перестала существовать как государственный орган уже в дни Февральской революции, хотя и она и ее Временный комитет были распущены только в октябре 1917 г. И Государственное совещание, и Демократическое совещание и даже назначенный последним Предпарламент – Временный совет Российской республики – все они формировались партийными и общественными организациями, а не путем свободных и равных выборов всего населения. Предпарламент фактически с самого начала оказался мертворожденным учреждением. На первом же заседании Временного совета Российской республики 7 октября 1917 г. большевики огласили заявление о выходе из его состава. Наделенный полномочиями контролировать правительство, но лишенный какой-либо реальной власти, Предпарламент прекратил свое существование после Октябрьского переворота.

Классический принцип разделения властей, присущий любой демократической системе, был нарушен – правительство одновременно и издавало законы, и выполняло их. Временное правительство понимало нелепость этой ситуации и достаточно быстро подготовило и издало закон о выборах в Учредительное собрание. Однако сроки самих выборов неоднократно пере-

носились. Выборы состоялись уже после смещения правительства Керенского, хотя и в тот день, который был им установлен, – 12 ноября 1917 г.

2. Местные органы власти

Система местных органов власти в большей степени подверглась разрушениям, чем центральные правительственные и государственные учреждения. Были смещены все губернаторы, градоначальники, наместники и полицейские чины и упразднены их должности. Вся полнота власти на местах передавалась руководителям земского и городского самоуправления; они объявлялись комиссарами Временного правительства на соответствующем им уровне: губернском, уездном и городском. Впоследствии правительство широко использовало и принцип кооптации (назначения) комиссаров из числа известных общественных деятелей. Круг полномочий комиссаров не был отчетливо определен. Первоначально их рассматривали как посредников между правительством и местными органами власти, но постепенно их права расширялись. По принятому 25 сентября 1917 г. «Временному положению о губернских (областных) и уездных комиссарах» они наделялись широкими полномочиями по управлению губерниями и уездами.

Основным органом управления в сельской местности, как и ранее, являлись губернские, уездные и волостные земские управы. Теперь они были наделены значительно большими демократическими правами. 21 мая 1917 г. Временное правительство опубликовало два постановления по этому вопросу. Первое из них – о производстве выборов губернских и уездных земских гласных. Оно предусматривало, что выборы уездных гласных будут производиться всеобщим, прямым, равным и тайным голосованием лицами обоого пола, достигшими двадцати лет. Губернские гласные избирались уездными земскими собраниями. Второе постановление касалось волостного земского самоуправления. Устранялась его сословность, ликвидировались институты волостных сходов и волостных старшин. Основным органом власти в волости становилось волостное земское собрание, также избираемое общим, равным, прямым и тайным голосованием. Оно назначало орган волостного управления – волостную управу.

В городах местная власть принадлежала городским думам и их исполнительным органам – городским управам; и здесь также отменялись все ранее существовавшие избирательные стеснения. В наиболее крупных городах по закону 15 апреля 1917 г. создавались районные думы и управы.

3. Национальная политика

Основопологающим актом Временного правительства, восстановившим национальное равноправие, стал закон 20 марта 1917 г. «Об отмене вероисповедных и национальных ограничений». Им предусматривалось уравнивание в правах всех граждан, независимо от их вероисповедания или национальности. Тем самым отменялись «черта оседлости» для евреев, обязательное употребление в частном делопроизводстве русского языка, ограничения на выбор профессии, на занятие военных и гражданских должностей.

Национальные организации, как вышедшие из подполья, так и вновь созданные после февральского переворота, первоначально были умеренны в своих требованиях, отстаивая только культурно-национальную автономию и лишь в крайних случаях – автономию политическую. О полной независимости, вплоть до отделения от России, упоминали в феврале-марте лишь отдельные национальные радикалы. Ослабление государственной власти, неспособность правительства быстро решить проблемы национальных окраин, равно как и нежелание слишком расширять их права – все это обусловило постепенный рост влияния национальных политиков, выступавших за независимость от России. Характерно, однако, что для достижения

своих целей националисты не воспользовались Советами, подозревая в них проводников русского влияния.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.